

Эльчин
Сафарли

Сладкая
соль
Босфора

Эльчин Сафарли Сладкая соль Босфора

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170001
Эльчин Сафарли «Сладкая соль Босфора»: АСТ, Астрель; Москва; 2008
ISBN 978-5-17-048947-3, 978-5-271-18912-8

Аннотация

В данной книге раскрываются тонкие грани Востока. Показаны светлые и темные стороны таинственного царства. В ходе повествования автор призывает каждого найти и постичь свое счастье, а не жить в будничном «потоке». «Дорога к настоящему счастью полна преградами. Но игра стоит свеч. Потому что постижение собственного счастья – это и есть смысл жизни. Проверено на себе...» – говорит автор, на данный момент проживающий в Стамбуле.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	10
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	27
Часть II	28
Глава 1	28
Глава 2	31
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эльчин Сафарли

Сладкая соль Босфора

Моей маме Сарие посвящаю

С благодарностью Маше Свешиковой и Нурлане Кязимовой

Часть I

Дух города души

*...Лаванда, амбра, запах пудры...
Чадра, и феска, и чалма...
Страна, где подданные мудры,
Где сводят женщины с ума...¹*

Глава 1

*(...Мечтать интереснее о чем-либо недостижимом...)
За два года до описываемых событий...*

...Желание отыскать счастье в магически-молчаливых переулках Стамбула многие называют «легкой мечтой». «Уж больно реальна. Мечтать интереснее о чем-либо недостижимом». Отмалчиваюсь. Не объясняю, что свое стамбульское счастье я не называю мечтой. Мой Стамбул – реальность. Дотянуться до нее осталось совсем чуть-чуть... Когда в городе души моросит дождь, чайки, вальсирующие над синееющим Босфором, громче кричат. В их глазах появляется смятение. Нет, они не боятся, что их привычную умиротворенность омрачат капли небесной воды. Все дело в преданности. Не хотят отлетать от Босфора, на время затаиться в соломенных убежищах. Чайки Стамбула сопровождают тебя на протяжении всей дороги жизни. Сопровождают, независимо от того, гладкая дорога или ухабистая... В стамбульское будущее мало заберу из настоящего. Большинство назовут эгоистом. Уверен. Наплевать. Я построю замок собственного счастья. С каких пор это запрещено?...

...Он и Она отказываются помочь в поиске педагога по турецкому. «Боишься потерять тебя». Твержу им, что без того владею языком – надо лишь подкрепить. Твержу им, что все равно уеду, увезу нашу медово-яблочную дружбу с собою... Ем батлыджан эзмеси – холодный турецкий салат из баклажанов, приготовленных на углях. В каждом нарубленном нежно-зеленом кусочке просматриваются чарующие стамбульские картинки. Аромат углей смешался с бризом Босфора. Его волшебная песня доносится до моих уст, хотя сейчас я не ТАМ. Изменяю Босфору. Изменяю с Каспием... Купил декоративное лимонное деревце. Посажено в симпатичном глиняном горшочке. На его шершавой поверхности два рисунка – мечеть Святой Софии в Стамбуле и Девичья башня в Баку. Баку и Стамбул – две частички судьбы, объединенные одним словом – Восток...

---

¹ Дон-Аминадо – Аминад Петрович Шполянский (1888–1957) – знаменитый русский поэт и прозаик. (Здесь и далее примеч. авт.)

Глава 2

(...Босфор любит осень. Хоть она и приходит раз в году...)

...Седовласая пожилая толстушка Нилюфер с нетерпением ждет моего приезда. Ежегодно. С наступлением первых дней сентября прислушивается к звукам из окна. Надеется услышать шум мотора подъехавшего к зданию желтого такси. В нем должен быть я – одухотворенный, с мокрыми от счастья глазами, немного уставший... Люблю эту двухкомнатную квартирку в районе Ортакёй. Маленькая, с бело-желтыми стенами, по-матерински уютная, с многочисленными ночниками в комнатах. На Нилюфер-ханым,² которая сдает мне свое жилье, некогда родные стены теперь навеивают грусть. После смерти мужа Махсуна. Его забрал к себе Аллах ночью с четверга на пятницу. «Значит, Махсун в раю. Я спокойна...» – причитает толстушка со слезами на небесно-голубых глазах. У нее родинка над верхней губой. Как у мамы... Меня стены этой квартиры успокаивают, вдохновляют. Как не может быть вдохновения, когда из окна спальни виден Босфор? Могучий, сентиментальный, сказочный. Именно его приветствую первым долгом, направляясь из аэропорта в Ортакёй. Усатый таксист с толстыми черными бровями удивленно оглядывается, когда здороваюсь с Другом. «Ты снова рядом...» – произношу я, смотря на бегущую живописную полосу за окном такси. Босфор в ответ кивает. В качестве приветствия сонное утреннее море посылает в ответ волну – пенистую, шипучую. Улыбаюсь, плачу, закрывая глаза под легкими порывами ветра. Таксист смущается. Сопереживает. «Кечмиш олсун».³ Затем включает радио. Поёт Сезен Аксу...⁴

Каждый год возвращаюсь в ортакёйскую квартиру переполненный надеждами, с осколками обиды в душе. С белоснежной кожей. Через пару месяцев станет бронзовой... Я возвращаюсь, а Нилюфер-ханым уезжает. К сестре, за пределы Стамбула. Там, на природе, ей спокойнее. Уезжает не одна. С двумя своими кошками – Гюльшен, Эбру. Подобрала их у подъезда дома. Из жалких худышек превратила в толстопузых богинь... Нилюфер-ханым покидает Стамбул на следующий день после дневного намаза, оставляя массу вкусностей в холодильнике. Долма из виноградных листьев, салджалы кёфте... Научился готовить турецкие блюда. Кулинарные «курсы» тетушки Нилюфер лучшие. Она 12 лет проработала поваром у президента Сулеймана Демиреля.⁵ Поэтому в рестораны Стамбула хожу редко – чаще стряпаю сам. Готовлю салджалы кёфте. Любимое блюдо. Маленькие пирожки с рубленой телятиной поджариваются на масле, после чего тушатся в томатном соусе. Гарнир – рис со специями. Для желудка столь тяжелая еда – стресс. Спасает айран со щепоткой соли и сушеной мятой...

За время пребывания в Стамбуле больше сплю. Отсыпаюсь. Гуляю по древним улицам. В руках томик Памука с автографом. Подкрепляю прочитанное увиденным. С переездом в город души до книг руки реже доходят. Ведь красота Босфора прекраснее любой книги, любого слога... Чистой воды волшебство.

---

² Уважительное обращение к женщине на Востоке.

³ Турки произносят это с целью успокоить горящего человека.

⁴ Знаменитая турецкая певица.

⁵ Девятый президент Турции.

* * *

...Стамбульская осень особенная. В ней меньше оранжево-желтых оттенков. Бежево-серых – больше. Она не багряная, как в Праге. Она не дождливо-плачущая, как в Москве. Стамбульская осенняя меланхолия другая. Мятно-свежая, нежно-прохладная, без шальных ветров, с засохшими бледно-коричневыми листьями на отсыревшей земле. Она похожа на пышногрудую брюнетку, влюбленную в свободолюбивого моряка, которого преданно ждет. Ждет, вопреки окружающим соблазнам. Ее сердце греется в его грубых, теплых руках с потрескавшейся кожей. Кожей, обветренной зимним Босфором. Любила целовать эти руки...

Осень Стамбула не жестокая – привыкла считаться с мнением улыбчивых жителей. При этом она за справедливость. Когда обижают – молчит. Терпит. Выжидает. Как только обидчики забывают о сказанных словах, она, снимая маску безразличия, нападает. Как правило, нападает шквальным ветром. Может и снегом, в редких случаях.

Осень Стамбула заодно с Босфором. Он – верный, чувственный, постоянный – всегда готов прийти на помощь. Только позови. Если осень обижают, Босфор рвет и мечет. Разъяренные волны топят корабли, подводные течения разгоняют рыбешку. Он знает – осень виноватой быть не может. У нее характер мягкий, покладистый. Поэтому нанесенные ей обиды Босфор не прощает. Он любит осень. Хоть она и приходит раз в году...

Осень Стамбула пропитана ароматом фисташек. Еще в воздушных потоках можно уловить запах свежезаваренного турецкого кофе, крепких сигарет, вкуснейшего гёзлеме с душистой мясной начинкой. Запах этого кулинарного чуда приносит ветром из небольшого переулка в районе мечети Ортакей...

Однако при всех отличиях стамбульская осень остается осенью. Лишь внешне может быть отлична от других видов осени. Внутри – все схоже. Грустная радость, комок в горле от переполняющей тебя любви, мурашки по белой коже. Так не только в Стамбуле. Такая осень во всех странах мира...

Глава 3

(...В снежную метель боишься потерять веру в вечное спасение...)

...Ноябрьский Стамбул меня пугает. Как маленького мальчика с наивными глазами, который, испугавшись ночных бликов, прячется под одеяло. В месяц Скорпиона город души становится таким же устрашающе-непредсказуемым, как этот знак зодиака. Привычно теплая оболочка Стамбула покрывается кристалльным инеем. Переменчивый ветер бросается им в замерзшее лицо. Приезжих такой Стамбул пугает. Наводит панику, безмолвно угрожает, гонит подальше от себя. Видя ошарашенные лица гостей города, коренные стамбульцы не могут сдержать улыбок. «Их пугает всего лишь маска...» – говорят они, грея руки кружкой яблочного чая. Для них зимний Стамбул – человек настроения с хронической депрессией. Сегодня – настроение отличное, через час – беспричинно отвратительное. Вместо легкой улыбки горько-соленые слезы, дрожащие руки... Зимний Стамбул совсем не похож на летний. Это как два брата-близнеца – внешность одинаковая, характеры разные... Зимой Стамбул становится недовольным, ворчливым, осерчавшим. Когда он зол, но при этом молчит – погода спокойно-холодная. Когда он зол, но при этом выражает злость – погода агрессивно-штормовая. Выпадает снег, меркнут яркие краски, продрогшие чайки над Босфором растерянно кричат. Поэтому жители Стамбула, зная о «зимнем кризисе», принимают город таким, какой он есть. Не стараются поменять что-либо. Лишь улицы подметают, дороги от снега расчищают и шорпу⁶ чечевичную варят...

Тетушка Нилюфер не раз рассказывала о характере Стамбула. Летом на денек приезжала в Ортакёй. За готовкой пахлавы делилась историями о восточном городе. Голос с хрипотцой поглощал целиком. Я выпадал из реальности, попадая в Стамбул 40 – 50-х гг. Она рассказывала о тяжелом детстве в интернате, о первом свидании с Махсуном, о дружбе с Решадом Нури Гюнтекином, подарившим миру «Королька – птичку певчую»...

Я узнавал Стамбул в настоящих, порой жестоких оттенках. Так что сейчас для меня его зимний настрой был знаком. Да и не раз приходилось бывать зимой в Стамбуле. Нельзя сказать, что он наводил на меня такой же страх, как на многочисленных приезжих. Просто-напросто было непривычно находиться в измерении холодного Константинополя. Я люблю этот город, когда он облачен в лимонно-солнечные ткани лета, в бледно-коричневые шелка осени. В эти сезоны волшебство Стамбула обостряется – он пахнет фруктовыми цукатами, ванильным бисквитом, рыбным шашлыком... Нет, моя любовь не корыстно-эгоистична. Воспринимаю Стамбул в любом одеянии. Просто так же, как в детстве, в снежную метель боишься потерять веру в вечное спасение...

* * *

...Беседовать с ветром карамельно-приятно. Вопреки природной непостоянности он умеет слушать – нащупывает невидимыми руками эмоции, вникает в слова, внимательно отслеживает интонацию. И еще. Ветер умеет молчать. Когда необходимо, становится неслышным – кружит рядом, давая понять, мол, я здесь, рядышком. Если нужно – позови. В отличие от московских ветров, стамбульские порывы воздуха более учтиво-нежные. С долей игривости в прозрачной начинке. Со стамбульским ветром говорить не только приятно, но и сладко. Вне зависимости от сезона он наполнен ароматом рахат-лукума. А внеш-

---

⁶ Суп (турец.).

няя оболочка посыпана сахарной пудрой, особенно заметной в зимнюю пору. Пору, когда с Босфора на Стамбул несет пойма – сильный северо-восточный ветер. Пойма боевой – во времена существования Османской империи полководцы на него молились. Он наполнял силой, замораживал эмоции. Ведь эмоции в бою – большая вероятность поражения... Несмотря на внешнюю агрессивность, внутри пойма нежно-заботливый. С ним интересно говорить – он щедро делится харизмой. Пойма – как умный, успешный мужчина с нерасполагающей внешностью, но с тонкой душой. Найдешь подход – значит, отыщешь путь к сердцу.

Когда в Стамбул прилетает пойма, облачаюсь в коричневую дутую куртку, наматываю на больное горло черешневый шарф. Надеваю черную шерстяную шапку со значком «Nike» и покидаю Ортакей. Направляюсь к берегу Босфора. Располагаюсь в укромном местечке, где еще летом шумело кафе с пестрой вывеской. Закрываю глаза. Придаюсь беседе с долгожданным пойма. Сначала он шипит, угрожает нависающими волнами, присматривается. Что подделаешь, недоверчив по природе... Но как только пойма узнает в тепло одетом человеке-«капусте» родного гостя, он успокаивается. Протягивает руку, крепко обнимает, вдыхает твой запах, как любопытный щенок-лабрадорчик. С моих глаз текут слезы счастья. «Я соскучился... В Баку и в Москве сейчас дожди. А здесь, в Стамбуле, только ты, шумный пойма...» – шепчу ему в уху воспаленным голосом. После собственноручно приготовленного прохладного айрана, выпитого по глупости накануне перед сном, мое горло воспалилось. Пойма улыбается, говорит, что теплых слов не слышал давно. «Люди думают, я злой... Поэтому отвечают мне злобно... Все, кроме тебя». Пытаюсь разубедить его. Он делает вид, что верит...

Пойма слушает меня. Я слушаю его. С ним я другой. Совсем не такой, как с лодозом – теплым южным ветром. У лодоза свои преимущества – сравнивать его бессмысленно с пойма. Да и последний не обижается, когда сравнивают. «Я холодный – он теплый... Как нас можно сравнивать?» – ухмыляется пойма. Люблю их одинаково. Каждого по-своему. Люблю их ощущать, прогуливаясь по набережной, где ветры разгульны, свободны, отважны. Когда дует теплый лодоз, в Босфор заплывают дельфины. Жизнерадостные, игривые, немного настороженные. Настороженные из-за того, что зона пролива для них опасна. Нет, они не в обиде на Босфор. Они в обиде на людей, загрязняющих Босфор. Поэтому редко посещают пролив...

...Когда в Стамбул приходит мельтем – сухой летний ветер, я покидаю город души. Признаюсь, из-за боязни перед мельтемом. Он жесток, беспощаден. Во всяком случае, для меня. Мельтем любит прошлое. Не зря в переводе с турецкого он «регулярно возвращающийся»... Я боюсь прошлого... Соответственно и мельтема тоже.

Глава 4

(...Искренность чаще встречаешь у животных, чем в среде людей...)

...Есть города, поглощающие тебя целиком. На их территории чувствуешь себя собранным – тоска по родине рассеивается, тупая боль в мышцах исчезает, грусть кремового цвета сменяется оранжевой верой в будущее. Верой, которой переполняешься, когда снимаешь с головы теплую шапку, развязываешь шарф, подставляя лицо под порывы морского ветра... Стамбул именно такой город. Привык доминировать – нейтральная позиция не для него. Если решил переехать в Стамбул, то надолго. Если Стамбул принял тебя в свои объятия, то навсегда. К нему быстро привязываешься. У него глубокие синие очи с живописным дном, где живут манерные медузы, рыбки с блуждающими серо-зелеными глазами. У него бархатистый голос – приторно-свежий, как морозный бриз зимнего Босфора, мужественно-крепкий, как турецкое кофе, манящий, как свежее испеченная пахлава в медовом сиропе. Одним словом, Стамбул не отпускает тебя, ты не отпускаешь Стамбул. Может, просто люди быстро привыкают к хорошему?...

Часто ранним утром прогуливаюсь по набережной. Встаю в пять утра, направляюсь к очагу умиротворенности. Там каждый день меня встречают призыв к сабах-намазу,⁷ доносящийся со стороны царственной Айя-Софии,⁸ шум прибоя и игривая дворняга с длинными ушами. Назвал ее Айдынлыг.⁹ Назвал за чистый взгляд – глаза ясно-прозрачные, как вода ручейка у подножия гор на юге Турции... Она подбегает ко мне, виляет хвостом. Трется мордочкой об мои шершавые вельветовые брюки. Грустно. Грустно оттого, что такую искренность сегодня чаще встречаешь у животных, чем в среде людей...

Вытаскиваю из кармана куртки коричневый бумажный пакет с собачьим печеньем. С начинкой из телячьей печени. Нет, это не остатки еды моего пса. Его у меня нет. Собираюсь завести. А пока специально для Айдынлыг покупаю сие лакомство... Длинноухая богиня уплетает печенье, а я все больше осознаю масштабы собственного одиночества. Бросаю бледно-голубые камни в Босфор, тем самым избавляясь от осколков душевной боли. Боли, которую привез с собою в Турцию. Боли, от которой исцелит Босфор. Он обещал. «Эй, Босфор, ты сдерживаешь обещания?...» В компании Босфора одиночество не гнетуще-разъедающее. Оно теряет темные очертания, становится сизым, как весеннее облако. Со временем природная магия великого пролива творит чудеса – волны смывают слой одиночества. В этом меня убеждала тетушка Нилюфер. «Аллах привел меня к Босфору, чтобы он излечил меня от тоски по Махсуну... Со временем боль утраты исчезла. Теперь моя тоска легкая, наполненная желанием жить. Поверь мне, оглум¹⁰», – говорит седовласая турчанка, поднимая руки к небу...

...Сегодня 34-й день моих утренних встреч с Босфором. Сегодня 34-й день моих встреч с Айдынлыг. И после того как Босфор излечит меня, снова буду приходить к нему в гости. Буду приходить вместе с Айдынлыг. «А зачем покупать собаку, если она у меня уже есть?» А что? Великолепная идея!

...Беру на руки растолстевшую за последний месяц Айдынлыг, прижимаю к себе теплое, мохнатое тело, возвращаюсь домой. Она рада. Облизывает мое ухо, счастливо скулит. Еще никто не носил Айдынлыг на руках... Лишь спустя четыре дня осознал, что полностью излечился от одиночества. Босфор послал ко мне Айдынлыг. Она оказалась моим лекарем...

---

⁷ Утренний намаз.

⁸ Древняя мечеть (музей) у берега Босфора.

⁹ Ясность (турец.).

¹⁰ Сынок (турец.).

...С тех пор по-прежнему прихожу к заветному берегу. Заодно госпожу Ясность выгулять, да и с Босфором повстречаться. И еще. Я решил. Окончательно переезжаю в Стамбул. На днях еду в Баку. Соберу вещи и обратно сюда. К Босфору, к Айдынлыг. К своему счастью...

* * *

...Говорят, в Стамбуле все слаженно, гармонично, как в природе. Хаотичный ритм в душе меланхолического мегаполиса, убаюкивающий гул Босфора, забавная болтовня любопытных чаек над Золотым Рогом... Одним словом, атмосфера сказочная – без доли мистики. Однако это только на первый взгляд. Мистика Стамбула существует, открываясь лишь избранным. Мистика Стамбула напоминает колоритную кубинку с длинными рубиновыми сережками на растянутых мочках ушей. С крепкой сигарой в темно-фиолетовых губах. Одаренная ясновидением кубинка грешит гаданием на потрепанных картах. Однако в своей пропахшей табаком комнатухе гадает только «людям с чертиками в глазах». «Гадаю тем, кто верит. Баловством не занимаюсь», – категорично заявляет она хриплым басом... Так и Стамбул. Его магический флер огненно-оранжевого оттенка обволакивает только тех, кто верит, чувствует, осязает. Таковых не много. Один из них я...

Моя прабабушка Пярзад, дивная азербайджанка турецких корней с насурьмленными бровями, гадала часто. Тогда мне, девятилетнему мальчишке, такие «процедуры» казались очередной игрой. Впрочем, волшебство этой игры пленило, захватывало. Пярзад-нене¹¹ морщинистыми руками выжимала в потрескавшуюся, древнюю пиалу сок позднего ноябрьского граната, а потом, поджигая кусочки ваты, бросала их в темно-красную жидкость. «Сейчас увижу картинку... Ты не смотри, балам¹²... Все равно не увидишь...» – щебетала она, вглядываясь в пиалу. Я, облаченный в оранжевые шортики, замороженно сидел на бамбуковом стуле, наблюдая за бабулей. А она тем временем начинала предсказывать. Предсказывать мою болезнь, впоследствии оказавшуюся свинкой, мой отъезд с мамой «в соседние края», то бишь в Турцию, мое поступление там в Анкаринский университет... С тех пор искренне верю в магию. Особенно в магию Стамбула. Она пахнет душистой рутей.¹³ Многие мусульмане, высушив эту траву под лимонными лучами солнца, именуют ее «узьярликом». Поджигают в металлическом горшочке. Исходящим вонючим дымом обдают младенцев, молодых, взрослых. Как объясняют, «от сглаза – лучшее средство»...

...Магия Стамбула обволокла меня в один из дождливых дней осени. Город души буквально утопал в небесной воде – дождевые ручьи потоком неслись по каменистым дорогам, стекая в царство Босфора. Несмотря на то что моя симпатия к дождю огромна, в такую погоду предпочитаю затаиться в квартире, наблюдая с окна за промокшим Стамбулом. Однако в тот день все же пришлось покинуть теплый уют, хоть и совсем ненадолго. Дело в том, что к свежесваренному кофе до боли в желудке захотелось турецкой пахлавы. К тому времени сладкие «запасы» тетушки Нилюфер иссякли. Поэтому пришлось одеваться, доставать из шкафа синий зонт и двигаться в направлении кондитерской «Gamsiz Nayat»,¹⁴ находящейся в соседнем переулке. Такси отыскать не удалось, поэтому потопал пешком. Пустая улица серого цвета, горбатый старичок по имени Давуд, закрывающий фруктовую лавку, мокрые здания потемневших оттенков... До «Gamsiz Nayat» недолго, осталось завернуть за угол... Она появилась передо мной неожиданно, как стена. Покрытая черной косын-

---

¹¹ Почтительное обращение к бабушкам в Азербайджане.

¹² Малыш (азерб.).

¹³ Многолетнее травянистое растение.

¹⁴ «Жизнь без грусти» (турец.).

кой голова, коричневый плащ из непонятного резинового материала, в белых руках серый зонт. На ногах... красные туфли на каблуках. Их почему-то сразу заметил – на фоне общей серости туфли походили на красный свет светофора. Я замер. Оцепенел. Рука машинально уронила зонт. В ушах возник непонятный гул. На ресницах замерли толстые капли дождя. В мокасины проникла холодная вода. Она молчит. И я молчу. Слышен лишь дождь. Издалека доносятся недовольное пыхтение Босфора. Он ненавидит осадки, так как в такую погоду люди его не посещают. Ведь, по сути, Босфор одинок с тех пор, как дельфины покинули пролив, появляясь лишь с приходом южного ветра. Чайки же – создания ветреные. На них не понадеешься...

«Ты долго искал свой путь. Наконец нашел его. Приведет тебя к счастью... Скоро встретишь это счастье в одном большом магазине, после ахшам-намазы¹⁵... Запомни». Тихо, почти шепотом, будто заклинание, женщина в красных туфлях произносит странные слова. Запомнил движение ее тонких, розовых губ. Как только они замерли, услышал громкий шум. В миг женщина рассеялась в воздухе, гул в ушах исчез, оцепенение прошло. Взглянул в сторону проезжей дороги. Старичок Давуд собирал с земли оранжевые апельсины. Рядом валялся перевернутый ящик из светлой древесины. Значит, тот грохот – от упавшего ящика с фруктами? Куда же делась женщина в красных туфлях? Опустил голову, посмотрел на то место, где пару секунд назад стояла странная дама. На этом месте валялись ее красные лодочки с широкими каблуками. И все. Больше ничего. Тем временем предсказание женщины крутились в мыслях, наполняя нутро тревогой... Подобрал зонт, побежал домой... Спустя несколько месяцев предсказание сбылось. Об этом чуть позже...

* * *

По словам тетушки Нилюфер женщина в красных туфлях появляется в Ортакёе приблизительно с 1952 года. В дождливую погоду. Она предсказывает судьбу избранным, оставляя напоследок пару красных туфель... «Поговаривают, женщину звали Арзу. Была супругой знаменитого сапожника Ибрагима Гюллюоглу. Когда он в возрасте 42-х лет погиб в автокатастрофе, Арзу от тоски по мужу убила себя. Аллах покарал ее за грешный поступок. С того времени душа Арзу блуждает на земле, не познав рая. Быть покойному не на небе – значит быть в аду». Такую историю поведала Нилюфер. Историю об Арзу, предсказывающей счастье избранным...

---

¹⁵ Вечерний намаз (турец.).

Глава 5

(...Это ее традиция – провожать близких инжировым вареньем...)

...Кожаные чемоданы в туманно-утренней прихожей. Тесно прижаты друг к другу. За окном четвертый день хмурого ноября – свинцовое небо, сырой асфальт, сосновый запах после дождя. В Баку одиннадцатый месяц года называют раем пессимистов. «Göyə bahırsan, ügəyin sıxılıg»¹⁶ – заявляла моя прабабушка Пярзад, закрывая тяжелые гардины. Она не любила ноябрь, прячась от сырой прохлады завывающе-пыльного хазри.¹⁷ В ноябре Пярзад-нене практически не выходила на улицу. Днем готовила для нас аришту,¹⁸ по вечерам читала Омара Хайяма. «Его строки наполняют душу теплом», – отмечала она, вспоминая, как двенадцать лет назад посетила могилу великого поэта в Иране. «Я стояла, плакала, а в уме бесконечно повторяла его строки: „Меня похоронят в таком месте, где всегда в дни весеннего равноденствия свежий ветер будет осыпать цветы плодовых ветвей“. Он угадал...» Ее хриплый, тихий голос дрожал. Озерки слез в моих глазах так же дрожали. Вот-вот сорвутся с век, потекут по щекам...

...Дождаясь в прихожей желтого такси, которое отвезет меня в аэропорт, я вновь окунулся в сочно-синий океан прошлого. Вспоминал беззаботность школьных лет, одухотворенность во время учебы в университете, первый день на первой работе, родной фиалковый запах Пярзад-нене, бархатный голос матери. Сейчас она – угрюмая, грустная, встревоженная – затаилась на кухне. Упаковывала для меня посуду с тремя килограммами золотистого, слегка засахарившегося инжирового варенья. Это ее традиция – провожать близких инжировым вареньем. Без него не отпустит из дому. Без него не подставит пухлую щеку для прощального поцелуя... Она говорит, что «я бегу от самого себя». Она объясняет, что «счастливым можно быть везде, не только в Стамбуле». Она вторит, что «многое зависит от человека». Она целует со словами о том, что «с моим отъездом лишится спокойного сна». «Я буду скучать», – шепчет мама в ухо. Сдерживает слезы. Она женщина-Скорпион. А женщины-Скорпионы редко плачут. На моих глазах мама заплакала всего один раз. Когда хоронили бабушку... Я уезжаю.

...В миг посадки лайнера «Азала»¹⁹ в аэропорту Ататюрка решил, что в Стамбуле непременно должен стать счастливым. Счастливым пуще прежнего. Несчастливым себя никогда не ощущал – судьба часто улыбалась мне. Я знаю, что такое жить в царстве торта, где крыша кремово-фруктовая, стены ванильно-бисквитные, а под ногами хрустит отменное безе... Я убежал в Стамбул, словно раненый медвежонок в берлогу. Там рана, истекающая гранатовым соком, обязательно заживет... В Стамбуле меня ждали любвеобильный Босфор, тетушка Нилюфер и тот человек, слова которого ранили мою душу. У нас должна была состояться последняя встреча. Прощальная встреча в Турции. Так получилось – стечение обстоятельств. Прощальные встречи особенные. Нет, они совершенно не болезненные. Они похожи на грустное мгновение, когда ты отпускаешь голубя из рук. Он улетает, твое сердце продолжает биться вопреки всем переживаниям. Ты смотришь на голубя в небе, в глубине разума понимая, что надо жить дальше. Хотя душа плачет, что без голубя ты как без рук...

---

¹⁶ «Глянешь в небо – аж сердце сжимается» (азерб.).

¹⁷ Северный ветер в Баку.

¹⁸ Национальное азербайджанское блюдо.

¹⁹ Государственная авиакомпания Азербайджана.

...Встретились у Босфора. В миг, когда мы встречались для прощания, тетушка Нилуфер пила турецкий кофе с азербайджанским инжировым вареньем. В миг, когда мы встречались для прощания, в Стамбуле улучшилась погода, засветило слабое солнышко. Когда мы встречались для прощания, в Баку шли дожди, в Москве же выпал первый снег... Мы находились на скалистом островке в середине Босфора. В ресторанчике на втором этаже Кыз Кюлеси.²⁰ Вокруг спокойное море, летают чайки, а рядом она. Она сегодня собрала волосы. Не надела очки. Отважно. Значит, открыта передо мной. Ей нечего скрывать... Мы расстаемся из-за нее. Все банально просто – полюбила другого. Я не стал уговаривать. Выслушал. Сердце бунтовало. Однако разум не подпускал к себе этого бунта. Я сказал: «Решать тебе. Но знай, что я тебя люблю». Может быть, нужно было красноречивее?...

После окончательного объяснения мы молчали. Она, опустив голову, ковыряла вилкой живописное блюдо из аскер-балыкы.²¹ Я смотрел на нее. Мраморная кожа, нежные руки пианистки, кристально-чистые глаза. Не могу на нее злиться. Могу только сказать, что люблю ее... Неожиданно подул пойраз... Сели на катер, вернулись в город. Она завела машину, поехала в аэропорт. Я пошел пешком домой. Плевать на расстояния, хочу, чтобы порывы пойраза высушили невидимые слезы на моих карих глазах...

С тех пор, как говорится, утекло много воды. Я выдержал, пережил. Обновился. Опять-таки заслуга Босфора. Он излечил... Знаю, она вернулась в Баку. Мама там ее однажды встретила в районе Бешмертебе, тем самым узнав о нашем расставании. Расстроилась. Потом звонила, высказывала недовольство. «Опять я узнала обо всем последней...»

...Я часто заглядываю в ортакеёвские магазинчики. Шумные, наполненные звуками музыки из радиоприемников, ароматом фруктов. От сего колорита душа расцветает, словно орхидеи в середине весны. А нашел ли я здесь счастье? Отвечаю: «Да». Женщина в красных туфлях оказалась права. Об этом как-нибудь в другой раз...

---

²⁰ «Девичья башня» (*турец.*). Построена около 2500 лет назад на отмели Босфора у азиатского побережья Стамбула.

²¹ Так в Турции называют меч-рыбу.

Глава 6

(...Нас от Бога разделяет лишь бело-голубая небесная прослойка...)

...Есть места, где ты близок к Богу. Слышишь его могучее дыхание, чувствуешь на себе требовательно-гуманный взгляд, на мгновение слепнешь от сверкания изумрудных крылышек золотоволосых ангелочков. От них пахнет ванилью, как от любимой бабушки, гордо вытаскивающей из духовки маковые булочки с изюмом... Каждый понедельник стараюсь посещать вершину холма Чамлыджа. Далековато от дома. Оно того стоит. Только там – на самой высокой точке Стамбула – удастся почувствовать присутствие Бога. Нас разделяет лишь бело-голубая небесная прослойка. Но она – мягкая, пушистая, легкая – не преграда. Бог протягивает мягкую ладонь, кладет мне на плечо и... молчит. Молчит, безмолвно выкапывая наружу десятки клубков мыслей. Мыслей, среди которых нахожу ответы на многие вопросы...

Бог любит Стамбул. Хотя часто пожилое поколение турков думает обратное. «Аллах карает нас за деяния этой развязной молодежи, посылая на нашу страну страшные землетрясения. Посмотрите, в чем ходят девушки?! Оголили животы, головы не покрывают. Они же мусульманки! *Allaһа bu хоş gitmez!*»²² – сердится голубоглазая старушка, торгующая семечками на площади перед Египетским базаром. К ней с трудом подберешься. Стая голубей окружила торговку, словно телохранители всеми любимого Сердара Ортаджа.²³ Подкармливая птиц зерном, старушка жалуется на подрастающее поколение, Она объясняет, что голуби прилетают на грешную землю из райских садов Аллаха. «Чтобы люди не забывали о могуществе Всевышнего»...

С высоты Чамлыджа Стамбул в корне иной. Великие минареты великих мечетей, сверкающий на солнце Золотой Рог, верхушки небоскребов, синее полотно Босфора. Чайки синхронно двигаются в воздушном пространстве, будто ими управляет кукольник...

...Почему-то на Чамлыдже в поток моего сознания вливается карамельно-малиновый соус прошлого. Непроизвольно от меня. Если раньше соус горчил, то сейчас он приятен на вкус. С прошлым стараюсь находиться в ладах. Научился жить с ним – не перечеркивая, не забывая, не отпуская. В умных книжках написано, что прошлое надо уметь перелистывать, как страницы увлекательной книги. Пробовал. Не получается. Во всяком случае, у меня. Встречаю прошлое в каждой вспышке настоящего. В пробегающей по стволу могучего дерева резвой белке, в кружевном дыме «Мальборо», в каплях дождя на окнах машины... Самые яркие главы из книги моего прошлого всегда рядом, даже на вершине Чамлыджа.

...Смотрю на Босфор, вспоминая, как впервые, вместе с родителями, съездил на почти необитаемый остров в азербайджанской части Каспия, где кроме прозрачного моря, змейскромняг и одинокого маяка с не менее одиноким седобородым стариком-смотрителем никого не было... Смотрю на кладезь историй старого Стамбула – Дворец Бейлербеи, вспоминая, как с одноклассниками и нашей классной руководительницей Розой Харитоновной впервые попал в Эрмитаж. Важно передвигался по музею, представляя себя почетным гостем во владениях сказочного царя...

...Вновь встречаю на Чамлыджа свою юную рыжеволосую соратницу Гюльбен. Смотрю на нее, жалея, что у меня не было сестры. Маме, мечтающей о дочери, Аллах даровал двух сыновей...

---

²² Будет не угодно Аллаху (*турец.*).

²³ Поп-звезда Турции.

Заморосил дождик. На фоне заката у него бледно-коричневый окрас. Дождик почти незаметный, с холодными каплями-искрами, принесший с собою запах мокрой осенней листвы. Гюльбен молча прилегла на сырой траве – в лиловом пальто, с красным шарфом на худенькой шее, в шапке бананового цвета. У Гюльбен фиалковые глаза, наполненные жизнерадостностью. Я ее называю «Istanbulim güneşi».²⁴ Она смеется, хлопает глазами, как толстощекая девочка-кокетка, красующаяся перед зеркалом с маминой помадой в руках. Гюльбен лишена дара речи с рождения. Уже 18-й год жизни она живет в молчании, в тишине, совершенно самостоятельно передвигаясь по городу. За Гюльбен говорят глаза. В них все эмоции. В них вся любовь к окружающему миру...

...Она пишет на страницах желтого блокнота. Он висит у нее на шее вместе с чернильной ручкой. «Мир напоминает мне тыквенный пирог, который часто пекла мама. Он такой же оранжево-белый. Оранжевая тыквенная начинка – это грусть, за которой обязательно следует счастливый слой белоснежного теста...» Гюльбен записывает эти слова в блокнотике. Скромно улыбаясь, показывает мне, мол, согласен? Киваю в ответ. С улыбкой на лице. Хотя с трудом сдерживаю слезы от восхищения. Откуда в таком юном создании столько жизнелюбви? Ее грусть оранжевого цвета, а я, говорящий и слышащий, привык видеть грусть темных оттенков...

Гюльбен любит яркие краски. Мечтает стать художницей. Даже в самую серую погоду на ней одежда горящих оттенков. Своеобразный протест против жизненной несправедливости?! Она об этом не писала. Так думаю я... Мы познакомились с Гюльбен здесь, на Чамлыдже. «Ты видишь жар-птицу? Она только что расположилась на твоём правом плече». Такая была ее первая запись для меня. «Ее часто вижу... С жар-птицей дружим с детства». Я написал ответ ее же красной ручкой под ее же размашистым почерком...

Гюльбен живет в Кадыкёе. Пятый год каждый понедельник посещает холм Чамлыджа, чтобы поговорить с мамой. «Она на небесах. А здесь я совсем близка к ним. Мама меня слышит...» Теперь она признается, что приезжает сюда, чтобы повидаться с мамой и... со мной. Гюльбен не требует ничего взамен. Даже дружбы. Она просто каждый понедельник оказывается рядом со мной – переписываемся, смеемся, чаще молчим, наблюдая за Босфором... Теперь она частичка моего стамбульского счастья, как и Айдынлыг. Кстати, она всегда с нами. Верная псина любит засыпать в теплых объятиях юной художницы...

...Я спрашиваю у Бога. Почему он послал «стамбульскому солнышку» вечное молчание? Бог отвечает: «Людам кажется, что она молчит. В действительности она говорит. Говорит посредством души. Этот голос даровано услышать не каждому». Таков ответ Божий. Ему можно верить...

---

²⁴ Солнышко Стамбула (турец.).

Глава 7

(...Все равно объяснения – это правдивая ложь. Она рождается не в душе, а в разуме...)

«...Знаешь, жар-птица теперь часто грустит. Позолота на красно-желтых перышках поблекла, в синих глазах море тоски. Она перестала петь песни. Те самые песни, слушая которые цвет Босфора становится насыщенно-фиалковым, а чайки послушно замирают на канатах Великого моста. Ведь поет их королева... В последние дни жар-птица подлетает ближе ко мне, садится на ветку засохшего каштана, заговаривает со мной. Хотя, помнишь, она долгое время ревновала меня к тебе. Я смеялась, она злилась, ты успокаивал. Помнишь, как ты ей признавался в любви? Какой глупышкой она была. Неужели она не понимала, что ты к ней всегда будешь ближе?! Ведь она прилетела из твоего детства... Она твоя спасительница... Сейчас жар-птица, опустив голову с бордовым хохолком, говорит: „Не верю, что он забыл меня. И тебя тоже. Для меня нет преград – могу найти его где угодно, когда угодно. Не хочу навязываться. Он уже не маленький мальчик. Может, я ему больше не нужна?“ С ее глаз капая фиолетовые слезы. Звонко, словно льдинки, спадают на зеленую траву, через мгновение превращаясь в прозрачную росу...

Ты не появляешься четвертую неделю. Почему? Что случилось? Заболел или вернулся на родину? Я не умею гадать. Лишь однажды вычитала в книжке о гадании по ромашке. Но отыскать ромашку в холодный сезон в Стамбуле сложно... Да и в принципе не ищу я. Не верю в гадания. Зато верю в солнечные мосты между душами людей. По ним всегда можно отыскать друг друга. На это нужно мало времени. Иногда много. Очень много... Вижу мост между нашими сердцами. Пока не иду по направлению к тебе, так как верю в твое скорейшее возвращение. Я говорю это жар-птице. Она верит. Но боюсь, чаша ее веры скоро высохнет. Поэтому возвращайся. Возвращайся и скажи, вернешься ли ты вновь. Объясни. Обычно никогда не требую от людей объяснений. Все равно объяснения – это правдивая ложь. Она рождается не в душе, а в разуме. Значит, в ее искренности можно сомневаться. Но сейчас мне, то есть нам, нужны эти объяснения. Это лучше, чем молчание...

...С минувшей среды рисую твой портрет. Пока карандашом. Пока на обычной белой бумаге. У тебя красивое лицо, чок нурлудур.²⁵ Его приятно рисовать – карандаш буквально скользит по листу, ластик легко стирает лишние штрихи. Одним словом, происходит какое-то волшебство. Я рисую тебя на фоне Босфора и Святой Софии. Я знаю, ты любишь эти изюминки Стамбула. Они – отражение твоей души... Возвращайся скорее. Скучаю по твоей улыбке. Скучаю по глазам Айдынлыг. И жар-птица скучает. Не обижай ее. Возвращайся быстрее, иначе скоро не застанешь меня здесь. Не застанешь в Стамбуле. Я уезжаю в Анкару, поступать в художественную академию. По твоему совету... Мама утверждает, что ты непременно вернешься. Ей верю. Она на небе, оттуда все видно...

Обнимаю тебя, мой добрый друг! Пусть Аллах осветит твой путь. Путь к нам с жар-птицей. И не только... Прощай! Обожающая тебя Гюльбен с не менее обожающей тебя жар-птицей на плече.

P.S. Отыскала по твоей рекомендации «Игру в классики» Кортасара. Нравится. Слишком много безысходности между строк. Восхищена Магой...»

---

²⁵ Очень лучезарное (турец.).

* * *

«...За окном снег, а в душе осень. Желтая, пропитанная запахом жареных каштанов, наполненная звуками громко бьющихся влюбленных сердец и скрежетом трамваев. Не люблю зиму, когда внутренне живу в осени. В таком состоянии зима для меня – ошибка природы. По меньшей мере... А осень я не люблю, когда нахожусь в ожидании. В ожидании человека, без которого моя осень блекнет. Я нахожусь в ожидании тебя. Все еще жду, надеюсь, оглядываюсь. Седьмая неделя без тебя. Седьмой понедельник без тебя. Я даже не знаю, где ты живешь. Где тебя искать. Стамбул огромен – в нем затеряться проще простого. Поэтому Стамбул не любят одинокие люди – они бегут из этого города или излечиваются от одиночества. Ты излечился... Грущу в своей осени. Вчера отыскала на окраине Кадыкёя небольшое деревце, не тронутое холодами. Пару листьев на нем все еще зеленые. Сорвала их, отнесла домой, подсушила. Купила желтую краску и весь день занималась тем, что аккуратно перекрашивала эти листья в цвет осени. Из сочно-зеленых они стали темно-желтые. Как в пору ранней осени. Потом вся измазанная, долго сидела за столом, рассматривая листья на столе. Удалось сделать осенним свой окружающий мир. Теперь он гармоничен с моим внутренним... Жар-птица с прошлого понедельника не появляется. Два дня ее искала. Тщетно. Лишь бледно-красное перышко лежало на мокрой скамейке. На скамейке, где мы сидели втроем. Ты, я, жар-птица... Надеюсь, она отыскала тебя в гуще Стамбула. Я хочу верить в то, что она не разочаровалась. Я хочу верить в то, что она сейчас преданно сидит на твоём плече, шепча в ухо колыбельную из утраченного детства... Завтра очередной понедельник. Вновь приду на нашу вершину.

Если даже снег усилится... Я не могу не прийти. Ведь это мой последний понедельник в Стамбуле. Моя последняя возможность пообщаться с другом – получить твоё благословение, уехать в Анкару... Обнимаю тебя, мой добрый друг. До встречи!

P.S. Сегодня ночью, иншаллах,²⁶ дочитаю «Игру в классики». Осталось 74 страницы. Мага чем-то похожа на меня. Но я боюсь той любви, которая захватила ее... Она беспощадна.

P.S.S. Твой портрет рисовать закончила...»

* * *

«...Думал, научился уживаться с собственным прошлым. Оно бурным потоком влилось в пространство моей тени, не нарушая ее четкие границы. В составе тени прошлое следовало за мной рядышком. К нему привык. С трудом, но привык. Даже пару раз обращался к прошлому за советом, когда настоящее пересекалось с эпизодами из „архивов“ минувшего времени. Но ровно семь недель назад настоящее в ухмыляющихся масках прошлого снова нанесло удар. Неожиданно. Болезненно. Не хочу загружать твою светлую голову грустными эмоциями. Пересказывать произошедшее не имеет смысла... Главное другое. Я покидаю Стамбул. На время. Мое родное стамбульское солнышко, прочел твои письма, оставленные в пустом стволе засохшего дерева. Читал, не сдерживая слез. Читал, понимая, насколько большой частью моего настоящего ты являешься! Мой добрый друг, за время моего отсутствия на нашей вершине много размышлял, болел. Болел душевно. Болел, думая о тебе с жар-птицей. Она, к сожалению, так и не отыскала меня. Подумала, наверное, я отказался от нее. Как можно отказаться от детства?!.. Сейчас, покидая Стамбул, даю тебе слово отыскать жар-

---

²⁶ Дафт Бог (араб.).

птицу. Вместе с ней вернусь сюда. Если тебя не будет, приеду в Анкару. Молодец, последовала моему совету. Ты станешь великой художницей Турции... Сейчас, покидая Стамбул, боюсь признавать, что опять убегая. Убегаю от самого себя. В принципе признавать что-либо пока бессмысленно. Время покажет... Когда ты будешь читать это письмо, солнышко, меня уже не будет в городе моей души. Улетаю в Баку через час. Там ждут... Целую твои глаза. Обнимаю крепко-крепко. Счастья тебе. Не забывай. До встречи!

P.S. Ты лучше «коргасаровской» Маги...

P.S.S. Портрет непременно оценю. Иншаллах, уже в Анкаре... Айдынлыг на время оставляю тетушке Нилюфер. Присмотрит за ней...»

Глава 8

*(... Собачья душа горела от тоски.
Моя душа горела еще сильнее...)*

Прощаться со Стамбулом тяжело. Даже на время. Город души открыт для прибывающих людей. Быстро привыкает к новым героям. Полюбит, поможет. Поэтому расставаться Стамбул ненавидит. По-детски хмурится, в зрачках кипит обида, на лице бледная маска недовольства. Стамбул – город любвеобильный, преданный. Привык видеть в собственном царстве всех своих жителей. Наблюдает за ними. Каждого любит за определенные черты характера. Когда какой-либо из гостей прощается, Стамбул плохо переносит утрату...

...Еще немножко – и снежная метель подняла бы с замерзшей земли такси. Седовласый шофер со шрамом на правой щеке внимательно вглядывался в дорогу, подбирая степень освещения автомобильных фар. Жутко волновался перед дорогой – от напряжения отключил радио. В городе души давно не было такой буйной погоды. Хлесткий ветер. Колочий снег, сменяющийся морозящим дождем. Босфор бесится от злости – за утро громадные волны потопили два судна в бухте. Когда Стамбул разгневан, Босфор пребывает в аналогичном состоянии. Стамбул – брат старший, Босфор – младший. Почти близнецы – одно самочувствие на двоих. Не хотел предавать отъезду напыщенность. Надеялся, атмосфера Стамбула разбушевалась не из-за моего отъезда. Но факт остается фактом: как сел в такси, погода со спокойной сменилась на агрессивную. «Огулум, Стамбул гневается, не уезжай. Останься...» – тетушка Нилюфер вытирала слезы клетчатым платком. Она стояла у подъезда, провожала меня. Рядом жалобно поскуливала Айдынлыг. Пора ехать... Когда послышался шум мотора такси, частичка моего стамбульского счастья вырвалась из рук тетушки Нилюфер. Лая, побежала за машиной. Мое сердце готово было разорваться на мелкие кусочки... «Арабаи дурдур!»,²⁷ – крикнул таксисту. Резкий тормоз. Открываю дверь. Обнимаю Айдынлыг, прижимаю к себе мохнатую шею. Шерсть пахнет лавандой – вчера искупал новым шампунем. Плачу. Айдынлыг тоже. Собаки могут плакать... Тетушка Нилюфер, увидев собачью тоску, заплакала еще громче. Не хотел увозить Айдынлыг в другой город. Стамбул – ее ангел-хранитель. Без него никак нельзя... Обхватил ладонями мордочку Айдынлыг, слегка потискал, посмотрел в полные боли глаза. «Родная, вернись. Обещаю. Очень скоро. Слышишь, обещаю!» Как только выговорил последнее слово, Айдынлыг, облизнув мой нос, развернулась, медленными шагами направилась к тетушке Нилюфер. Снежинки таяли на коричневой шерсти. Собачья душа горела от тоски. Моя душа горела еще сильнее... Сел обратно в теплый салон такси. Шофер, увидев меня, смутился. В черных глазах стояли слезы...

...Авиалайнер взмыл в воздух. Аэропорт Ататюрка с каждой секундой уменьшался в размерах. Грузовые машины на полосе видоизменялись в движущиеся черные точки. Снежная метель не прекращалась. Худошавая стюардесса предложила кофе. «Нет, спасибо». Комок в горле разбухал. Вот-вот перекроет дыхание... Одолевали сотни мыслей. Никаких эмоций. Исключительно мысли. Мысли о Стамбуле, Босфоре, тетушке Нилюфер, рыжеволосой Гюльбен, преданной Айдынлыг... Я вернись. Обещаю.

---

²⁷ Останови машину (турец.).

Глава 9

(...Возвращение всегда дарит счастье. Независимо от того, с каким грузом в душе возвращаешься...)

...Весну в Стамбул приносят журавли. Они – чуток усталые, с поблекшими перьями, глазами кофейного цвета – громким криком влетают в город души. Молодые журавлики шумят от радости. Пожилые журавли – сохраняют молчание. Когда сквозь бежевый туман они замечают Великий мост, то просто плачут. С глаз, наполненных темно-золотой водичей мудрости, стекают слезы. Слезы счастья. Весь долгий путь из Африки они мечтали добраться до Стамбула, чтобы принести в его волшебное пространство первый весенний ветерок. Нежно-голубой ветерок, наполненный ароматом расцветающих тюльпанов, теплотой африканских долин, заливистым смехом толстощекой девочки, раскачивающейся на качелях... Возвращение в Стамбул всегда дарит счастье. Независимо оттого, с каким грузом в душе возвращаешься...

В Стамбуле тюльпаны сажают ближе к концу осени. Пока почва не промерзла. Когда я покидал Стамбул, сажать тюльпаны только начинали. Смуглые мужчины разрыхляли маслянистую почву окрестных парков, где совсем скоро поселятся луковицы будущих красавиц... В последний раз в Стамбуле тюльпаны сажали, когда желтое такси увозило меня в аэропорт Ататюрка. В последний раз в Стамбуле сажали тюльпаны, когда я прощался с плачущей тетушкой Нилюфер...

Я уезжал, не веря в возможность скорейшего возвращения. Не верил, что вернусь к приходу теплой поры. Весенней поры, когда расцветают тюльпаны, с ними вместе и мое сердце... Люблю весну Стамбула, потому что следом за ней приходит лето. А следом за летом – любимая осень. «...Осталось ждать недолго. Скоро, родная осень, совсем скоро, всего лишь через один сезон мы встретимся снова...» Эти слова каждый раз произносил, когда замечал первых журавлей – предвестников весны – на крышах городских домов. Они отдыхали, беседовали с Босфором, рассматривали многочисленных голубей с легкой завистью во взгляде. Ведь им не надо куда-то улетать. «А у нас впереди еще перелет в Восточную Европу...» – сетовали журавли в беседе с друзьями-цаплями. Они жаловались, но в душе все равно оставались самыми счастливыми созданиями на свете. Ведь их свобода безгранична...

...Каждый год с приходом весны отправляюсь на рыбалку к низким восточным берегам Мраморного моря. Раньше – один, с недавних пор – вместе с Айдынлыг. Там находится любимое озеро. На его берегах встречаю пеликанов. Они узнают меня. Правда, до сих пор опасаются взбалмошной Айдынлыг. Как только собака подбегает к ним с приглашением поиграть, грациозные пеликаны моментально ретируются, недовольно фыркая. Мол, нас, аристократов, такие игры не забавляют... С мечтой поймать побольше серой кефали располагаюсь на раскладном диванчике. Читаю «Бог мелочей» Арундати Рой, уплетаю булочки с кунжутом, пью айран, прислушиваюсь к еле слышному светскому трепу пеликанов с чайками. Последние жалуются на темперамент Мраморного моря. Он им непонятен. «...Наше море отличается от Босфора. Оно может год быть совершенно спокойным. И вдруг без причины начинает бушевать. Нейтрального состояния у Мраморного нет. Поэтому нам, чайкам, с ним сложно. Не знаем, чего ждать. Вот, к примеру, босфорским чайкам здорово повезло... Босфор добрый, щедрый, красивый и ну очень романтичный... Одним словом, мечта!...»

Айдынлыг тоже ждет, любит весну. Как только в Стамбуле расцветают тюльпаны, мы ежедневно в обеденное время, когда я свободен от работы, выходим на прогулку. Айдынлыг останавливается перед разноцветными полями тюльпанов, восхищенно лает. Затем поднимает голову, смотрит на меня полными счастья глазами. Мол, посмотри, какая красота! В

этот момент я понимаю, какое чудо подарила мне судьба. Подарил мне Босфор. Айдынлыг – половинка моего сердца. Половинка искренняя, добрая, верящая в чудеса... Покупаю тюльпаны, возвращаюсь домой, кладу их в вазу. В квартире моментально поселяется оптимистичный дух пришедшей весны, разгоняющий морозный воздух ушедшей зимы...

...Словоохотливый «бомбист» едет по направлению к аэропорту. До отлета остается два с половиной часа. Через несколько часов наконец-то встречаюсь со Стамбулом... С весенним Стамбулом... Я возвращаюсь!

* * *

«...Если бы ты была сейчас в Стамбуле, я подарил бы тебе тюльпаны. Они расцвели на прошлой неделе. Город моей души пропитался их дурманящим ароматом. Вдыхаешь, и кажется, что мечты обязательно сбудутся. Мечты принимают реальные очертания. Прежняя размытость исчезает... Я избегаю желтых тюльпанов. Они потрясающие, но в их аромате живет грусть. Грусть, похожая на тоску по любимому человеку... Я подарю тебе красные тюльпаны. Наверное, ты знаешь, что во времена Османской империи ими оживляли усопших. Еще бабушка Пярзад рассказывала, что стоит во время восхода солнца понюхать красный тюльпан и самая заветная мечта станет реальностью. Если бы ты была сейчас в Стамбуле, мы бы вместе встречали рассвет, наслаждаясь тюльпанами. Тогда наши мечты сбылись бы...

...Гюльбен, джаным,²⁸ отчасти мне удалось вернуться благодаря тебе. Как приехал, первым делом пошел поздороваться с Босфором. Он сначала дулся, сказал: «Боялся больше не увидеть тебя». Рассказал ему обо всем произошедшем. Он понял. Помолчал минуту, потом прижал к себе крепко-крепко. «Скучал, аби!²⁹» Так он сказал. Я с трудом сдержал слезы... Посетил нашу вершину. Да-да, Чамлыджу. Надеюсь, не забыла? Будучи там, протянул руку к небу, пощупал мягкие облака. Встретил твою маму. Она излучала спокойствие. Улыбнулась, пошутила: «Из-за тебя немало переживала моя дочурка. Куда ты исчезал, сынок?» «Вам не надо всего рассказывать. Вы ведь на небе. А оттуда все видно...» Мой ответ был таков. Она поцеловала меня, как мама, прошептала: «Обернись, тебя уже ждет кое-кто». Я обернулся. На цветущем каштановом дереве сидела моя дорогая жар-птица. Такая же красивая, с пушистым хохолком, золотым клювом. От радости она светилась, словно бриллиант при вечернем свете. Попросил у нее прощения. Попытался объяснить, зачем покинул город души. «Не надо слов... Я все знаю... Малыш, я всегда рядом с тобой... Ты можешь меня не видеть... Иногда становлюсь невидимой, чтобы не мешать тебе... У меня одна просьба... Не исчезай больше... Научись быть счастливым!» Честно сказать, мне стало стыдно. Я опустил голову. Жар-птица, взмахнув крыльями, слетела с ветки каштана, села на мое плечо. Прижал ее ладонью к себе. Как хорошо снова быть в Стамбуле...

...За прошедшие месяцы не писал писем. Совру, если скажу, что времени не было. Боялся. Вот в чем причина. Боялся сделать больно. Потому что на тот момент мне больше всего хотелось написать тебе всего четыре слова. «Не жди меня, прошу, забудь». Тогда думал, больше никогда не вернусь сюда. За прошедшие месяцы часто покупал билет до Турции, возвращался домой и... сжигал его в камине. Смелости вернуться в Стамбул не хватало. Да и слишком многое держало меня вне Стамбула. Люди, обстоятельства, события... И наконец, вне Стамбула меня держала ОНА. В реальности она прогоняла, вторила – живи своей жизнью, ты не обязан быть со мной. Я молчал. Хотел уехать. Ноги не шли. Любил ее. До сих пор люблю. Хотя она покинула этот мир... Когда ее не стало, я днями напролет лежал в

---

²⁸ Душа моя (турец.).

²⁹ Брат (турец.).

когда-то нашей с ней спальне. Задавался вопросом. Неужели прошлое никогда не отпустит меня обратно в Стамбул? Оно вцепилось мертвой хваткой... В итоге смог оторваться, так как жить без вас невыносимо. Без тебя, Гюльбен, Нилюфер, Босфора. Наконец, без самого Стамбула... Меня подтолкнула мама. В один дождливый день собрала мои вещи, посадила в такси, всучила в руки билет: «Езжай. Обрети себя заново, балам!³⁰» Произнесла важные слова, поцеловала, заплакала. Дверь такси захлопнулась... И вот я снова с вами... Мама-Скорпион всегда одолевала мою нерешительность. И в этот раз она опять помогла... Я в Стамбуле. В этом ее заслуга. В этом твоя заслуга. В этом заслуга многих. Ваша любовь перетянула меня обратно сюда... Теперь жизнь совсем другая. Стал сильнее. Еще сильнее...

...Соскучился. Хочу увидеть твои глаза, мое стамбульское солнышко. Напиши ответ, приезжай в Стамбул. Красные тюльпаны ждут тебя... Говорят, в Анкаре они пахнут иначе... Целую. Обнимаю. Твой возвратившийся друг».

---

³⁰ Малыш (азерб.).

Глава 10

(...Когда двое смотрят на луну с разных концов земли, они непременно встречаются взглядами...)

...Ночной Стамбул расшит кружевами. Кружевами страсти, волшебства, шумного молчания. С наступлением ночи для своих жителей Стамбул делится на две, совершенно отличные друг от друга дольки. Для кого-то превращается в эпицентр барабанного ритма, мерцающего неоновом свете, загорелых тел, движущихся в желто-бордовом тумане дискотек. Для кого-то становится теплым убежищем. Убежищем, похожим на укромное местечко в одной из больших скал Мраморного моря. На ночном небе бриллиантовые звезды, оранжевый свет полыхающего костра, треск поленьев смешался с шумом прибора. Рядышком, совсем близко – частичка тебя. Смотришь в любимое лицо, понимаешь, что сейчас тебе наплевать на все происходящее за пределами вашего мирка. Мирка для двоих...

В ночном Стамбуле витают тысячи терпких запахов, разных степеней насыщенности. Замираю на центральной площади города души. Вдыхаю витающие в воздухе многоцветные ленточки запахов. Согревающий душу аромат, прилетевший с апельсиновых плантаций на окраине Анталы. Отмеченный специями запах горячего чечевичного супа в темно-красной кастрюльке на кухне одной из уютных квартир Кадыкёя. Дым сигарет – тайком от строгих домохозяек ее раскуривает старенькая зеленоглазая бабушка Сезен в инвалидной коляске. Дурманящий флер золотого «Жадора». Им обрызгивается поп-дива Хулия Авшар перед очередным эфиром на канале «D». Цитрусовый запах упругой кожи 22-летней турчанки, засыпающей в горячих объятиях любимого... Запахов тысяча. По ночам они наслаждаются свободой. Вылетают из окон сотни домов, устремляются в центр города, смешиваются в единый пушистый клубок...

...Царица ночного Стамбула луна. Она везде разная. В Москве немного зловещая, в Тбилиси маленькая, беленькая, как будто улыбающаяся, в Баку отдаленно-очаровательная, в Таиланде – чересчур беспокойная. Стамбульская луна умиротворенная. На ее поверхности не кипят вулканы страха. Если над ней пролетают длиннохвостые кометы, то они мгновенно разлетаются на оранжево-бордовые крупички, окутывая стамбульскую луну изумрудной пылью...

Грубые космические булжники облетают царицу ночи стороной. Она защищена. Защищена сотнями любящих сердец. Их тепло заставляет луну забыть о собственном небесном одиночестве. Тетушка Нилюфер искренне любит царицу ночи. Ждет, любит, восхищается. Она называет ее «отражением глаз». «Когда двое смотрят на неё с разных концов земли, они непременно встречаются взглядами», – объясняет моя турецкая богиня, наслаждаясь турецким кофе с яичным желтком. Она готовит его исключительно в полнолуние. «В это время такой кофе превращается в эликсир силы. Выпьешь кружку, душевные раны моментально заживают, сотни капель невыплаканных слез прорвутся наружу соленым потом», – рассказывает Нилюфер, растирая яичный желток старинной серебряной ложкой. Тем временем Айдынлыг замороженно следит за процессом, потихоньку засыпая в бежевом тоннеле лунного света. Он проник в квартиру из большого окна гостиной, создавая магическую ауру...

Как только тетюшка Нилюфер засыпает в кресле-качалке, я, укрыв ее синим пледом из козьей шерсти, отправляюсь по темным улицам на встречу с Босфором. В полнолуние мой романтический друг с нетерпением ждет гостей. Он боится оставаться наедине с луной. Потому что она могущественна. Она царица – недосыгаемая, властная, сильная. Стамбульская луна легким движением руки правит босфорской водой. Вызывает приливы, отливы.

«Я слишком самодостаточен, чтобы повиноваться ей. Чертовка пользуется властью... Ненавижу отливы. Ведь таким образом я отдаляюсь от берега. Берега, где ты, Айдынлыг, и еще много моих друзей», – дуется Босфор, хмурясь, как обиженный ребенок. Меня смешит ругань Босфора. Напеваю ему слова из известной песни: «...боль тем и полезна, что заставляет двигаться дальше». Босфор возмущается пуще прежнего: «Ты издеваешься?! Лучше бы подсказал, как загнать злюку за толстые облака. Мне не больно. Просто не терплю, когда мною помыкают!» Опускаю голову, чтобы друг не заметил улыбки. Когда Босфор злится, он становится еще более очаровательным. «Родной, луна вовсе не властная, как ты думаешь. Просто она выполняет возложенную на нее миссию. У нее она своя, у тебя – своя. К примеру, ты излечиваешь одинокие сердца. Она же вдыхает в слабых силу, в ущемленных – надежду. Лучше смирись. Луна пробудет в гостях недолго. Не забыл, что говорят турки? Гостей надо принимать как божьих посланников».

...Сижу на безлюдном берегу, успокаиваю Босфор. Сказанное оказывает действие. Волны постепенно исчезают, пена от них превращается в пузырьки. Недовольная гримаса сменяется прежним спокойствием. Подхожу к нему ближе, крепко обнимаю. Шепчу на ухо: «Ты не такой, как все. Ты удивителен. Ты всегда с нами. И мы всегда с тобой!..» Босфор засыпает. Возвращаюсь домой. Царица ночи медленно исчезает. Темные краски сменяются светлыми... Приходит рассвет...

Глава 11

(...Родина прекрасна в картинках болтливого телевизора – всегда можно переключить канал...)

...Добраться до мечты – значит пройти тест на выносливость. Почему-то заполучить мечту с легкостью нереально. Непременно преодолеешь непреодолимое. Только тогда шоколадные тучи рассеются, выглянет мандариновое солнце. Звучит сказочно. Так на самом деле... Дорога до Стамбула пролегает сквозь преграды, постижения. На эту дорогу вступают лишь те, кто решил привязать сердце к сердцу Стамбула. Привязать красно-бордовыми капиллярами, невидимыми венами. Они переполнены нектаром желания. Желания познать себя... Мой город, который правильнее именовать «родиной», отпускал меня тяжело. Баку – город верный. Такой же искренне-верный, как мусульманская женщина. Баку стерпит многое во имя верности. Даже простит предательство одного из своих. Лишь бы это был Свой...

Когда тонкий билет в другую страну ждет регистрации, а чемоданы лежат наготове, у Баку замирает сердце. Он и так пережил массовый отплыв лучшего с последующим наплывом худшего. С тех пор каждый отъезд остатков лучшего наносит кровавые удары. Баку плачет тайно. В себе. Баку чаще плачет от горя, чем от счастья. Просто слезы почти незаметны – высыхают под налетами каспийского ветра. Мое прощание – не предательство. Мой отъезд – побег к самому себе. Как жить без собственной тени?...

...Когда до отъезда в город души остаются два месяца зимы и один месяц весны, невидимые хранители Баку направляют на меня армию переубеждений. «Обалдел, в Стамбуле дорогая жизнь! Турки – хорошие актеры плохого театра. У них великолепная внешняя культура. Внутренняя – ноль». «У тебя здесь друзья, родня. Зачем там жить одному?! Хорошо, пусть не одному, но без нас, любимых родственничков, во всяком случае». «Там нет того постоянства, что есть в Баку. Там все слишком быстро». Снегопад наставлений заносит, дышать сложно, губы обморожены, в голове сумбур из разноцветных снежинок. Бегу от непогоды. Ноги в серых унтах утопают в снегу. Падаю, поднимаюсь. Все равно продолжаю путь. Достигаю цели. Снег сменяется солнцем. Теперь тепло...

...Родина прекрасна на расстоянии вытянутой руки. Родина прекрасна в картинках болтливого телевизора – всегда можно переключить канал. Родина прекрасна, когда в руках авиабилет в будущее, с обязательным возвращением в настоящее. За яркой надписью «родина» непременно фон из субъективных красок. У каждого родина своя. У кого-то она начинается с «картинок в букваре». У кого-то начинается с чего-то своего, индивидуального. Так на самом деле...

...В мониторе белоснежного «Apple» всплывают голубые окошки с фиолетовыми словами. Пересекая виртуальную галактику, они дотрагиваются до сокровенных участков души. Пишут любимые, плюшевые ребята. Они – Свои. Для дружбы расстояние – пустяк. Вчитываешься в каждое слово десятков раз, словно не можешь напиться эликсиром счастья. Тебя накрывает соленой волной, к глазам подступают прозрачные слезы. Щеки краснеют, словно под кожей лица разлился бурачный сок. До приезда друзей остался один месяц осени и два месяца зимы. Совсем скоро будешь обнимать, целовать их в суетливом вестибюле аэропорта Ататюрка. Совсем скоро Новый год. Мой очередной Новый год в Стамбуле. Совсем скоро счастье преодолеет расстояние. Это не сказка. Так на самом деле...

Глава 12

(...Убегать от самого себя – значит убежать в неизвестном направлении...)

...Вне Стамбула закрывался на замки. Тысяча замков, замочков. Тысяча замочных скважин. Думал, убегаю от людей. В действительности убегал от самого себя. Без видимых причин. Просто так комфортнее. Безболезненно... Город, где я родился, похож на Стамбул. Город, из которого убежал, душевно совсем не похож на Стамбул. Он не хуже, не лучше. Он другой, не такой, как я. Стамбул ведь мой брат-близнец. С таким же количеством лабиринтов в душе, с таким же восточным гулом, с таким же запахом моря в порах имбирной кожи...

В Стамбуле осознал, что убежать от самого себя – значит убежать в неизвестном направлении. В Стамбуле понимаешь, жизнь подогнуть под себя невозможно. В Стамбуле воспринимаешь жизнь такой, какая она есть. Ее – жизнь – лишь можно немного подкорректировать. Направить в нужное направление. В Стамбуле открылись замки моей души. Но я не изменился. Изменилось восприятие. Появилась невыносимая легкость бытия. В общем же многое по-прежнему...

...Когда моросит дождь, привычная меланхоличность Айдынлыг исчезает. Она просится на прогулку, вставая передними лапами на деревянный подоконник. Высунув красный язык, рассматривает мелкие дождевые капли на стекле, с надеждой поскуливая. Знак учтен. Надеваю темно-коричневое пальто, беру поводок, идем на встречу с Босфором. Айдынлыг, как и я, Рыба по гороскопу. По примерным подсчетам. Она так же, как и все Рыбы, любит мокрую погоду...

Перебираясь сквозь узкие переулки города души, пахнущие чем угодно, только не болью, слышу туманную беседу чаек с духами османского прошлого Стамбула. Если верить историям тетушки Нилюфер, прозрачно-облачные тени с синевато-серыми глазами до сих пор витают над городом души, облачившись в яркие, разноцветные одеяния. «Когда Стамбулу больно, духи спасают его. Когда Стамбул оплакивает землетрясения Турции, они поддерживают, вселяют надежду. Слышу их. Ты тоже услышишь. Как только встретишь первое затмение в Стамбуле...» Теперь хранители города души – мои частые спутники. Различаю контуры тучных фигур, улавливаю запутанно-древний турецкий, заряжаюсь задорно-хриплым смехом после остро-восточных шуток. Хранители города души – пожилые, пузатые дядечки с завивающимися на концах усами. Добродушные, забавные развратники. Ценители женской красоты, не любящие курдов, уважающие отвагу. У них есть запах – слабый, не едкий. Пряный, с оттенками шафрана, кардамона, мяты...

Хранители уважительно называют меня «ходжам», хотя я младше по возрасту на целые века. Не похож на них. Ни духом, ни внешностью. У меня нет бороды, нет пропахшей нафталином мудрости, нет власти, нет... турецкого гражданства, наконец. Нас объединяют только две ветви происхождения – религия, менталитет. Может, они ценят меня за что-то другое? За преданность городу души?... Айдынлыг тоже чувствует духов. Нередко злится на них. Облаивает с нескрываемой обидой. Они, невидимые создания видимого пространства, шутовски дергают Айдынлыг за хвост, называя ее «прекрасным четвероногим созданием с одним хвостом»...

...Пока мы добрались до Босфора, дождь прекратился. Теперь о нем напоминали сырая шерсть моей собаки, потемневшие каменистые дороги, оставшиеся позади. Мы обнялись с Босфором, завели милую беседу о своём. Тем временем Айдынлыг что-то раскапывала на берегу. Шайка духов внимательно наблюдала за ее раскопками, будто там, под большим слоем мокрого песка, затаилось их далекое, историческое прошлое...

Часть II

Люди города души

*...Где от зари и до полночи
Перед душистым наргиле,
На ткань ковра уставя очи,
Сидят «народы» – на земле...³¹*

Глава 1

(...Женщины – одна, особая нация. Сильная, выносливая в любых обстоятельствах...)

...Слушая их, понимаешь, что турецкая женщина – такая же женщина, как и русская, американская, европейская. Вне зависимости от социального положения, вероисповедания. Женщины – одна, особая нация. Сильная, выносливая в любых обстоятельствах...

...Ей 28. Не стесняется возраста. Гордится. У Айше светло-каштановые волосы, голубые глаза, белоснежная кожа. С веснушками. Неспроста, наверное. Айше, как и я, родилась весной – 9 марта... На левой щеке светло-коричневое родимое пятно. По форме напоминает тающую снежинку. Говорю ей об этом. Она задорно смеется, обнажая белые, ровные зубы. Предлагает называть ее «Кар кызы». Снегурочкой. Я против. Ведь, она совсем не холодна. Наоборот. Теплая, цветущая, с легким прикосновением духов к мягкой коже...

Мы знакомы 2 года, 3,5 месяца. Для дружбы – смешной срок. Для нас сроки – такая же чушь, как другие подобного рода условности. Если мы не видимся, то пишем друг другу бесшабашные эсэмэски. С необременительным текстом. В каждой букве – флюиды тепла. В каждой букве – сумбурные чувства из насыщенно-желтого шербета. Своеобразный обмен счастьем. Когда недостаток счастья ощущается в ком-то из нас, он моментально его получает. Не важно, каким путем, способом... Мы вместе смотрим «Love Actually», таем от переполняющих нас гармонии, любви, надежды. Мы вместе гуляем по улицам Таксима, фальшиво напевая песни Кянаана Догулу. Нас вдохновляют наполненные теплом взгляды прохожих. Некоторые из них подпевают. Некоторые пританцовывают... Мы бесимся под неоновые дэнс-ритмы в туманном клубе до шести утра. Затем спешим полакомиться свежей рыбой в прибрежном ресторанчике. Вдыхаем свежее приветствие утреннего Босфора... Наша дружба разрисована гармоничным восприятием мира. У нас схожие вкусы. наших мам зовут одинаково...

...Айше отказывается от золотистой пахлавы. Сетует на возрастающие килограммы. Выбирает мандариновый сок. Оранжевого цвета, с капельками ледяной прохлады на стакане. Я уплетаю пахлаву с густым турецким кофе. Разглядываю ее. Современный, солнечный комок счастья, большие глаза, нос с аккуратной горбинкой. Рассказываю Айше о том, что в мире многие считают турчанок не такими яркими, современными, как женщин в той же Европе. Существует стереотип, что турчанки до сих пор облачаются в чаршабы, не прилегают к бровям до замужества, молятся с утра до вечера, не признавая цивилизацию. Она кивает головой, улыбается, положив руку с короткими розовыми ногтями на шею. Айше внимательно слушает. Совсем не удивляется моим словам. Наконец отвечает: «...В курсе таких разговоров. Часто натыкаюсь в Интернете на подобные выводы о турчанках. Знаешь,

---

³¹ См. примеч. 1.

не могу сказать, что эти домыслы беспочвенны. Турция, как и твоя родина, мусульманское государство. У нас менталитет совсем не такой, как в Европе. Не смотри на Стамбул, здесь многое европеизировано. В отдаленных регионах Турции ситуация иная. Там большинство женщин покрытые, их права нарушаются. Некоторые семьи строго исповедуют исламские традиции... Не стесняемся говорить об этом. Это наш народ, наши взгляды, наше вероисповедание, в конце концов. Но в целом, конечно, те домыслы о турчанках, распространенные сегодня в не мусульманских странах, преувеличены. Все не так запущено. С годами многое меняется к лучшему!»...

* * *

...Ей 37. Мы с ней на «вы». Хотя давно могли перейти на «ты». Она верит в Аллаха. Совершает пять раз в день намаз, соблюдает орудж,³² посещает мечеть. Мы не только друзья, но и коллеги. Шинай-ханым – мой редактор. Кареглазая толстушка с длинными темными волосами. Обожает серебряные изделия, божественный кулинар, имеет дальние азербайджанские корни. Одна воспитывает одну дочь – Синем. Ее личная жизнь не покрыта бархатной завесой тайны. Ее личная жизнь на ладони. Вышла замуж по любви, с годами муж стал не воспринимать ее приверженности к религии. Спустя 10 лет развелись. Тихо, без скандалов. «По всему миру женщин с судьбой, подобной моей, – миллионы. Не комплексую. Можно сказать, горжусь. Выстояла, вернулась к работе, обеспечиваю себя, дочь... Вряд ли когда-нибудь выйду еще раз замуж».

В Шинай замечаю много схожестей с моей мамой. Она тоже Скорпион. У нее такой же встревоженный взгляд, такие же красивые руки с крепкими ногтями... Мы не смешиваем работу с дружбой. Вне работы иные – сплоченные, спокойные, сдержанные. Часто собираемся друг у друга. Болтаем, смеемся, готовим, курим кальян, умиляемся искренней дружбе Синем с Айдынлыг. Не затрагиваем тему религии. Я верю в Бога, не верю в религию. Она верит в Бога, верит в религию. Ее религия осовременена, если так вообще можно сказать о религии. Мы разные люди разных взглядов. Это нормально. Такое бывает...

...В доме поет наша любимая певица Нилюфер. Последний диск. Вместе с Синем очищаю от шкурок каштаны. Растолстевшая Айдынлыг расположилась у ног. Тем временем Шинай колдует у плиты. Поджаривает на курдючном жире лук, снимает пену с мясного бульона. В кипящих недрах бултыхаются бледно-зеленые шарики алычи. Сегодня готовим кузу чорпасы. Роскошное блюдо с уймой холестерина. Вредно, но вкусно...

При готовке моя турецкая подруга сдабривает пищу историями из собственной жизни. Вкусно, патриотично, капельку грустно. «...Становится смешно, когда слышу, что турчанки для многих забытые женщины с тяжелой ношей ислама. Мы такие же женщины, как и все женщины. Со своим счастьем, любовью, страданиями, радостями. Да, я верующая. Горжусь этим. Верю в Аллаха всем сердцем. Он, кстати, многое мне прощает. Я не покрываю голову, курю кальян, не прочь выругаться. Ну, скажи, как, работая редактором, можно быть безгрешным? Главное – душой, совестью чиста перед Всевышним. Если я хожу в мечеть, это не говорит о моей отсталости. Это моя вера... Я – женщина Турции Ататюрка. Он был первым нашим президентом, в значительной степени изменил положение женщин. С 1923 года женщины стали избираться в парламент. Затем при нем вышел закон о единобрачии... Сегодня турчанки такие же полноправные граждане страны, как и мужчины. Хотя в других городах Турции проблема нарушения прав женщин, конечно, есть. Увидишь, со временем она сойдет на нет...»

---

³² Священный пост у мусульман. Он предусматривает воздержание от приема пищи в дневное время суток в месяц Рамазан как подчинение предписанию Аллаха.

...В бульон добавляются каштаны, мелко нарезанный укроп, душистый чабрец, ватные куски отварного мяса ягненка. Шинай готовит чобан-салаты, взбивает миксером айран. «Ребята, к столу!»

Глава 2

(...Какая разница, о чем или о ком? Неужели, чтобы выговориться, требуется повод?...)

...Город души не окутан исключительно дымкой идиллии. Стамбул, как и все бурлящие мегаполисы, предоставляет шанс стать счастливым немногим. Десятерым из сотни. Стамбул – как лотерея. Или совсем не везет, а если везет, то крупно. Узнаешь о выигрыше не сразу. Чтобы заветный штрих-код стерся, нужно время. Первый день, неделя, месяц в Стамбуле обманчиво безоблачны. Колорит Востока, шум прибоя под аккомпанемент чаек, звучание азана, свобода порывов, могущественная Голубая мечеть... За умелой декорацией сказочного Стамбула затаилось жестокое закулисье большого города. Та самая оборотная сторона медали. Она есть у всех. И у людей, и у городов...

...Бездомные кошки его лучшие друзья. Он кормит их остывшим мясом донера – на утренней прохладе коричневые кусочки покрываются мутно-белым налетом. На откусанном хлебе контуры его помады – жирно-фиолетовой, с блеском... Кошки на улицах Стамбула – толстозадые богини с сытыми глазищами. Настоящие аристократки. Один раз прогонишь – второй раз не подойдут. Развалятся на капоте припаркованной машины, будут сверлить взглядом, мол, жадина-говядина, мог бы угостить... Лохматые создания верны ему. Их не волнует, какой он сексуальной ориентации, какая боль затаилась в душе, какая болезнь обостряется в засыхающих венах. Для них он – друг-кормилец... Одна полысевшая рыжая кошка расположилась на плече, облокотившись толстым телом об его голову в зеленом парике. Менее полная серая бестия нагло уселась на колени, поигрывая со свисающими, бордовыми бусами. Он курит сигарету. Жадно затягивается. Шмыгает носом. Лево́й рукой кормит верных подруг. Они вяло разжевывают куски баранины – мяукают, чавкают, высунув кончики языков...

...Он – трансвестит. Их в Стамбуле тысячи. Его зовут Хасан. Называют – Эсмеральдой. 24 года. Полноватый парнишка, совсем не женские черты лица. Сморщившийся шрам на подбородке. Накладные ресницы, тени дождевого оттенка. Много помады. Гладко выбритое лицо под слоем пудры. Белки глаз покрыты тоненькими красными паутинками... Мы познакомились 9 дней назад. Во время утренней прогулки с Айдынлыг. Она, любопытная Варвара, подбежала к Хасану, виляя хвостом. Он замер. Спустил минуту протянул бритую руку. Погладил Айдынлыг, грустно посмотрел на меня. «Однажды тоже завел собаку. Дворняжку. Погибла от опухоли, когда мне было 12. На следующий день после моего дня рождения. Ненавижу слово „была“...» – промолвил Хасан хриплым голосом на хорошем турецком.

Заглянул в его глаза. Смятение, усталость, пустота. Больше ничего. Обычно обхожу подобных персон стороной. Не из-за негативного отношения. Между мной и ними – огромная пропасть. Что может нас связывать?... Совсем недалеко просыпается Босфор, медленно рассветает, солнце готовится к очередному дню. Чувствую, что человек хочет рассказать. Какая разница, о чем или о ком? Неужели, чтобы выговориться, требуется повод? Присел рядом на камень. Айдынлыг ревностно принюхивается к кошкам. Он предложил сигарету...

...Хасан родом из Тебриза. Два года назад сбежал в Турцию. В летний период работал официантом в Анталии. Пришлось бросить работу. В приличные заведения радикальных трансов не берут. Хасан кинулся на поиски счастья в Стамбул. Добрался. Уже год здесь. Снимает комнату на окраине. Скрывается от закона – виза давно просрочена. Хасан счастье в городе души не нашел. Зато нашел немало клиентов в дешевом баре «Generation». «Клиент на клиента не приходится. Кто-то заплатит хорошо, потом отлупит. Кто-то неплохо отблагодарит, но из-под него живым не вылезешь...» Эсмеральда делится без стеснения. «Это

жизнь. У каждого она своя. Прав, аби?» Он снова затягивается сигаретой. Умиляется Айдынлыг. Добавляет «спасибо». За что, спрашиваю? «Еще бесплатно меня никто не слушал». Заливисто хохочет. Два крайних зуба золотые... Жестокая правда жизни. Такое бывает...

...Хасан говорит о тоске. По Ирану, «по этой чертовой, дикой стране». Его ностальгия кофейного цвета. На полотне ностальгии – фотографии пожилой мамы. Зовут – Хабиба. Она не смогла принять такого «проклятого» сына. Выгнала из дому, ругалась, кричала «вон», предварительно закрыв дверь, ставни. В Иране нетрадиционная ориентация – смертельный грех. Женщина один сплошной грех, если родила такого сына... Хабиба ругалась, а потом плакала, обнимая Хасана. Целовала, снова ругала... Мать есть мать.

...Стамбул не подарил Хасану счастья. Он так же, как и я, верил в этот город. Увы, лотерея оказалась пустышкой. Выигрыша нет. «Иногда плачу. Плачу наедине с Босфором. Он последняя надежда... Если решу покончить с собою, то утоплюсь в Босфоре. Только он не осуждает. Он, теперь и вы... Спасибо вам. У вас восхитительная псина»...

...Хасан исчез. Испарился в воздухе. Лишь на холодном камне лежал донер с отпечатком его помады. Рыжая кошка готовилась слопать угощение, хотя была сыта. Как-никак ее лотерейный билет сегодня оказался выигрышным...

Глава 3

(...Пыльца с цветка ее улыбки проникает в меня через дыхательные пути, делая счастливее счастливого...)

- Ты скучал?
- Конечно. Ты?
- Нет.
- Ничего для тебя не значу?
- Дело не в этом. Как можно скучать по своей частичке?! Ты часть меня. А частичкам все равно суждено воссоединиться. Что бы ни случилось.
- Спасибо, родная. Почему нам не повезло встретиться раньше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.